4-й ГОД ИЗДАНИЯ

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ФЕВРАЛЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

ОБИДНО, ДОСАДНО...

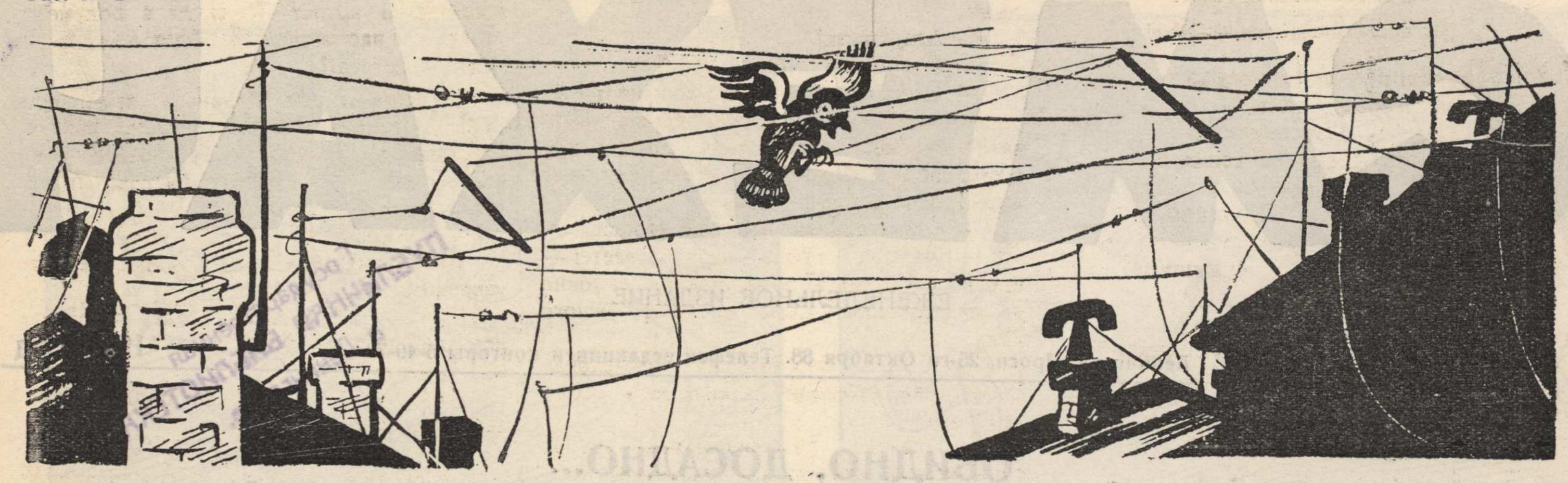
Рис. Б. Антоновского

— Эх, говорят в старину люди богомольные были, а небось на нашей улице церковь-то не достроили.
— Да тебе-то не все ли равно?
— Как это?! Коли теперича и клуба даже открыть негде!

Рис. Н. Р.

РАДИО В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

— Ах, попалась птичка, стой, не уйдешь из сети...

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН

— Хитрейший народ эти кулаки—предупреждали Опенкина в губернии:—Смотрите, как бы они вам ловушки не подставили... Опенкин отправлялся в Ананьевскую волость, о которой до губкома дошли сведения, что она попала в лапы кулаков.

— Ну, что вы!—ответил Опенкин и улыбнулся: - Я этих кулаков наизусть знаю... Видывали виды в восемнадцатом году!..

Уже на станции Опенкин имел возможность убедиться в кулацком засильи. Бородатый ямщик, в худеньком заплатанном армяке, потребовал с него за подводу двадцать рублей.

— Совесть-то есть у тебя?—урезонивал его Опенкин:—каких нибудь весемь верст!

— Ну, 15—меньше нельзя... И никто дешевле не повезет!..

„Кулак—подумал Опенкин:—ишь каким казанским сиротой вырядился. Знаем мы их... А я пешком пойду—вот и останется с носом..."

С непривычки, да еще в городской обуви, итти пешком по снежной дороге было тяжеловато.

— Эй, товарищ, постойте!—окрикнул его сзади чей то голос.

Обернувшись, Опенкин увидел крестьянина лет тридцати пяти, который догонял его на небольшой сереньной лошадке.

— Куда путь держите? В Ананьино? Без валенок-то трудновато... Садитесь довезу...

Когда обрадованный Опенкин усаживался на дровни, крестьянин добавил:

— По служебным делам небось? Понимаем!.. Я вас мигом докачу—не глядите, что лошадка маленькая, она у меня, что те рысак! Ге-э-эй.

„Симпатичный парень!"—подумал Опенкин.

— Что тут у вас за народ такой—пожаловался он:—меньше чем за пятнадцать рублей никто и везти не брался...

— Бессознательность — ответил возница:—видят, человек без валенок, городской, и норовят побольше содрать. А того не понимают, что ему по службе ехать и для ихней-же, может быть, пользы...

— Кулаки небось?—закинул удочку Опенкин.

— Ну, какие там кулаки!—усмехнулся крестьянин.

— „Не хочет выдавать кулаков—запуган"—подумал Опенкин.

— Тут дело вовсе не в кулаках, а в просвещении,—продолжал крестьянин.

— А как у вас с просвещением?—заинтерсовался Опенкин.

— Никуда дела—горько вздохнув, ответил тот:—изба-читальня была, и никто в нее не ходил, окромя нас: — я —Мастаков моя фамилия, Иван Пришлый да Тихон Трофимов. Трое нас. Мужички наши кричат — закрыть! Ну, а где же нам втроем содержать целую избу? Читаем дома...

„Не коммунист ли?" подумал Опенкин и спросил:

— А кто же эти трое? Партийные?

— Просто сознательные граждане... А партия у нас никакого авторитета не имеет... Замкнулись, и не принимают никого. Мы с Тихоном было сунулись— отказ!

„Ага! Значит, кулаки и в ячейку пролезли"—догадался Опенкин.

Печальная картина развернулась перед ним со слов Мастакова. Ни культурной, ни советской работы ни ведется — мешает партийная ячейка, в которую, повидимому, засели кулаки. Народ темный, сидит на трехполке, машин не приобретает, в кооперацию не идет, газет не читает. И даже противится тем нововведениям, которые заводят у себя сознательные граждане—Мастаков, Пришлый и Трофимов...

— Опереться на эту группу, ячейку по боку, наладить работу—сложился план в голове Опенкина.

— Остановитесь у меня — предложил Мастаков:—вот моя изба на отлете, чистенько у меня, клопов нет...

В избе, действительно, оказалось очень чисто. На стенах—портреты вождей революции, полка с книгами. Опенкин рассмотрел: книги по сельскому хозяйству, сборники декретов, несколько томиков Ленина, азбука коммунизма.

— Читаете?—спросил он.

— А как же! В наше время не читать, так не только что, а и с умным человеком не о чем будет поговорить!

За ужином Мастаков показал Опенкину, что он умеет вести умные разговоры: сам завел спор о кулаке, причем склонен был, опираясь на речи некоторых вождей, отрицать значение кулака. Опенкин полагал, что кулака нельзя преувеличивать, но нельзя и закрывать глаза на кулацкую опасность.

„—Все знает и, хоть с уклоном, но настоящий коммунист—заключил Опенкин. И таких людей затирают, не пускают в партию..."

Утром он шел разыскивать сельскую ячейку, с намерением основательно прочистить ее. Найти ячейку было трудно—никто не знал о ней.

Кое-как ему удалось добиться, что секретарем ячейки—приказчик местного кооператива.

— Ну, что тут у вас?— спросил Опенкин, а сам, глядя на лицо приказчика, думал:—„небось кулацкий прихвостень... отвертываться будешь..."

— Плохо у нас—ответил тот:—кулаки одолели. Масса темная... Бедность большая...

Опенкин недоверчиво улыбнулся:

— Вот как... А что же вы не втягиваете сознательных граждан? Есть же у вас такие...

Приказчик отрицательно покачал головой:

— Где ж они? Я вам говорю—кулаки одолели! Дохнуть не дают!.

Опенкин решил выложить все на чистоту:

— А я знаю, что есть, а вы их не хотите втягивать!

— Кто такие?—удивился приказчик.

— Да вот—вспомнил Опенкин—возьмем хотя бы Мастакова, Ивана Пришлого...

— И Тихона Трофимова—добавил приказчик и расхохотался. Опенкин, ничего не понимая, глядел на него и не знал—смеяться самому или выругаться.

— Чего ж тут смешного? Мастаков — вполне сознательный гражданин!..

— Мастаков!—ответил переставший смеяться приказчик:— да ведь это главный кулацкий заводила и есть! От кого же мы и стонем, как не от него с его товарищами! У них и мельница, у них и круподерка, и кожевенный завод, и лавочка... Всю округу в руках держат. Сельсовет—в их руках... Даже в партию пролезть хотят—да я их не пущу... Пусть место потеряю, а не пущу...

— Позвольте—возразил опешенный Опенкин:—я ведь с ним сам говорил. Так хорошо в нашей программе разбирается...

— А в чем их сила? — ответил приказчик. Все знают!.. Все законы у них на ладошке. А бедняку разве есть возможность? Они же сами его работой на своих предприятиях измучат—придет домой—только бы спать. И, главное, не придерешься, все у них по закону! Закон-то они ловко обходить умеют—сознательные...

— Да,—добавил он:—вы там и представления не имеете, насколько с этими новыми сознательными кулаками труднее против прежнего бороться!

Мих. Козырев

АЛЫЕ БАНТИКИ

(Из провинциального альбома)

Слепой скворец и канарейка
Поют про мирные дела,
А на супруге—душегрейка...
В семнадцать градусов тепла.

Подушка нежится с подушкой,
Перин кисейны облака,
Пробили „два“ часы с кукушкой,
И Ваське дали молока.

„Иоанн Кронштадтский“, „Ореанда“
Ведут упорную борьбу—
Зачем висит из роз гирлянда
Над „В. И. Лениным в гробу“?!

А в три придет супруг к обеду...
Нешибко сердце бьет в груди...
Скучают, празднуя победу,
На стенке пыльные вожди.

Приправит муж закуску сплетней
И новость выложит сполна:
„У зав'ши брюхо-то—заметней...
„Печать предрик'ова видна!..

„Ждут ревизоров из Рабкрин'а,
„В ЕПО—ни живы, ни мертвы!..
. . . .
И—вновь колышется перина,
Приняв две сонных головы.

А там, к пяти, хлебнувши „зелья“,
Чинуша в склад спешит бегом,
И вновь супруга жизнь „портфелья“
Привычным гладит утюгом.

Икнет хозяйка в благодати,
Не подымая грузных век:
Благодарю тебя, создатель,
Что муж—„партейный“ человек!

За щами—щи... Весь путь заказан,
В перинах жарких не добит,
Здесь алым бантиком повязан
Все тот-же пухлый, старый быт.

Александр Флит.

КВАЛИФИКАЦИЯ

В провинции, где нет отдела Сорабиса, артистов квалифицирует начальник милиции.
(Из сообщения на общем собрании).

Начмилиции пришел с обыска, конфисковав 23 самогонных аппарата; усталый лежал он на диване и проклинал самогонщиков и свою судьбу.

Дверь приоткрылась.

— Можно?

— Кого еще там принесло?

— Артист Парабелин-Заокеанский.

— Чего вам.

— Желаю квалифицироваться.

— А-а-а... лазь сюды!

Начмилиции оживился, в надежде улучшить свое настроение.

Артист, не медля ни мгновения, очутился в кресле у дивана.

— Садитесь,—сказал начмилиции,—а, впрочем, вы уже успели сесть, — многозначительно кашлянув, добавил он!

— Предугадываю мысли начальства,— нашелся Парабелин-Заокеанский.

— Курите?

— Нет-с, берегу, товарищ начальник, голос.

— Ага, поете?

— Пою.

— Небось, думаете, что хорошо поете?

Артист артистически подавил вырвавшийся жест возмущения, изменив его в веерообразное движение, словно ему было жарко, и сдержанно сказал:

— Смею думать, что пою хорошо.

— Хорошо поете—где-то сядете! — бросил начмилиции и поглядел через окно на зарешеченные окна противуположного дома.

Парабелин - Заокеанский последовал глазами за взглядом начмилиции и молча проглотил слюну.

— Полагаю, по физиономии — баритон,—сказал начмилиции, считавший себя физиономистом.

— Тенор,—мягко сказал Парабелин-Заокеанский.

Начмилиции отчеканил:

— Если я говорю: баритон — значит, баритон.

Артист кашлянул и сказал:

— Пожалуй, баритональный тенор.

Но начмилиции не любил соглашательства, но начмилиции требовал полной сдачи:

— Посмотрим... посмотрим, что скажет квалификация.

В его голосе зазвенели нотки, которые Парабелин-Заокеанский принял во внимание так, словно их издал камертон. Парабелин-Заокеанский деланно расхохотался и сказал:

— Вижу: вас не проведешь!.. Ну, конечно, у меня баритон. Чистокровный баритон, с детства.

Начмилиции самодовольно ухмыляясь, потрепал артиста по плечу:

— Ну, Федя, спой-ка мне, Федя...

— Коля... — поправил Парабелин - Заокеанский.

— Федя!... Федя?!

— Ну, и глаз же у вас—деланно восхищался артист—не глядя в документ, узнали мое настоящее имя... Федя! конечно,—Федя! с детства!

— Спой-ка мне, Фединька, что-нибудь такое оперно-цыганское, наше рабоче-крестьянское, чтобы душу потревожило, чтобы дыру эту забыть, чтобы почувствовать себя в столице...

— „Кирпичики“, что-ли, спеть?

Начмилиции подумал, вздохнул и качнул утвердительно головой.

Заокеанский, спадая с тона, перевирая мелодию, пел, закатывая глаза и чудовищно изгибаясь.

— Ну, как?—спросил он, кончив петь,— прошел я квалификацию?

Начмилиции потер лоб и сказал:

— Верхние регистры у тебя западают в нижние, а нижние выпячиваются наверх. Ежели здесь останешься—не пропущу: больно уж воешь, и без тебя тошно, а ежели в столицы едешь, то не жалко: получай квалификацию.

— Еду! Конечно, еду! Сейчас лошадь и на станцию... Спасибо, дорогой товарищ начальник!.. Пишите удостоверение.

Начмилиции почесал в затылке и мечтательно сказал:

— Будь ты женщина — обязательно задержал бы квалификацию до полного испытания!!

И сел писать удостоверение.

... „Квалифицированный“ подъезжал к Ленинграду, волнуясь вопросом:

— А вдруг... переквалифицируют?

Исидор Гуревич

БЫСТРОХОДНОЕ

— Чорт знает, что! Скоро ли мне проводник белье на-ночь даст?

— Ишь, какая спешка! Ежели вы так торопитесь, вам-бы не в почтовом, а в экспрессе ехать!

ШАХМАТЫ... ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ

Шахматы должны стать достоянием широких народных масс.
Из газет.

Рис. А. Успенского

Крестьянин:—Эх, „зевнул“ коня!

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

„О-во Старый Петербург“ наметило передать дворцы—под бани и бассейны. (Из газет).

Рис. Н. Радлова

— А тут, Микеша, не иначе что и прежде баня была: все голые люди разрисованы!

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

„Изобретена мыслящая машина“. (Из газет)

Вместо ветреницы музы,
Я куплю себе машину,
Та машина днем и ночью
Будет мыслить за меня.

Сам займусь серьезным делом
(Спекуляцией, примерно),
Ну, а умная машина—
Будет складывать стихи.

Стоит в кнопку ткнуть спросонок,
Заработает машина:
Не затрагивая мозга—
В миг сварганит фельетон.

А купить побольше валик:—
Смастерит роман трехтомный,
В сутки десять повестушек
И саженные стихи.

Эти умные машины
Будут все под ярлыками:
„Филозоф“, „Машина-критик“
„Мэтр-писатель“ „Брат-поэт...“

Только вот одна загвоздка:
Если в ход пойдут машины,
То читателей машинных
Тоже надо изобресть!

Мих. Андреев

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

— Хорошую заячью шапку Иван Иваныч справил.

— Да ведь у него—котиковая?

— Я же и говорю, хорошую шапку человек на зайцах справил.

СПЕЦ

Вот говорят, что спецам уважения делать не надо—я скажу, что это все дураки говорят, а умный человек такого слова никогда не вымолвит. Шутка ли сказать—спец! Иной человек из такой беды нашего брата мужика выведет, что, кажись, век думай, а своим умом не додумаешься. И почему? Потому только, что знает он, что к чему, и как к какой штуке притронуться!

Взять хоть бы нашего землемера уездного. Вот, скажу — голова! Семь пядей голова, а то и побольше! Ну, да я не буду зря язык трепать, а по порядку расскажу, как нас уездный землемер из большенной беды выручил.

Такая вышла история.

Приехал он как-то по осени в нашу деревню:

— Ну, говорит, братцы—радуйтесь! До вас землеустроительная очередь подошла.

Говорит—радуйтесь — ну, мы конечно рады. Слов нет! Разумный человек говорит - отчего и не порадоваться малости! Так-то! Порадовались денек—опять является землемер и уж такую штуку загибает:

— Какого вы хотите землеустройства? Есть столыпинское—отруба, есть трехполка окаянная, которая вас в конец извела и есть, говорит, многополье...

Мы, конечно, в один голос,—и что нас дернуло, до сих пор не пойму:

— **Хотим на многополье!**

Землемер шапку на затылок:

— Многополье, так многополье. Это мы можем!

Такой деловой—право слово! В одну неделю все обмозговал — велика-ли наша деревня? Поставил вешки, все поделил, ведет показывать:

— Тут, говорит, озимое, тут яровое, тут пар, а вот четвертое поле — тут с подсевом...

— С каким подсевом?

— Ну, клевер, что-ли, будете сеять!..

Тут мы все на дыбы:

— Как так клевер? Да мы сами о клевере все лето почитай хлопотали, а достать не смогли. Нету клевера! Нигде нету!

— Ну, так чего-нибудь еще подсеете!

— А чего же еще-то можно подсеять?—спрашиваем мы его:—а может быть, можно один год как-нибудь и без подсева обернуться?

Пристали к нему:

— Объясни!

Он шапку на глаза надвинул, да и говорит:

— Не могу я такие тонкости разбирать—вы посоветуйтесь с агрономом...

— А где агроном?

Тут опять кто-то из наших вспомнил:

— Агроном! Когда еще там агроном приедет—а нам сеять пора. Что-ж у нас земля-то будет пустой на четвертом поле стоять?

— Не знаю я этого, граждане, — землемер-то говорит:

Мы на него и набросились:

— Как так не знаешь! А чего-ж ты, сякой-такой, сам нас на многополье сманил? Что-ж мы теперь без хлеба сидеть будем?

— Ты нас подвел—ты и в ответе!

Рассердились мужики—чуть не с кулаками на землемера-то. На спеца-то! На дорогого-то для нас человека набросились... Другие его по десяти лет ждут!.. Эх, темнота наша!..

А он, уж известно, не нашему мужику чета. Он хоть бы что! Слушает и молчит—думает, значит. Мужики на него:

— Ну, так чего-ж ты? Говори, как нам теперь быть!

А он тут-то свое полное знание и показал. Шапку опять на затылок и говорит:

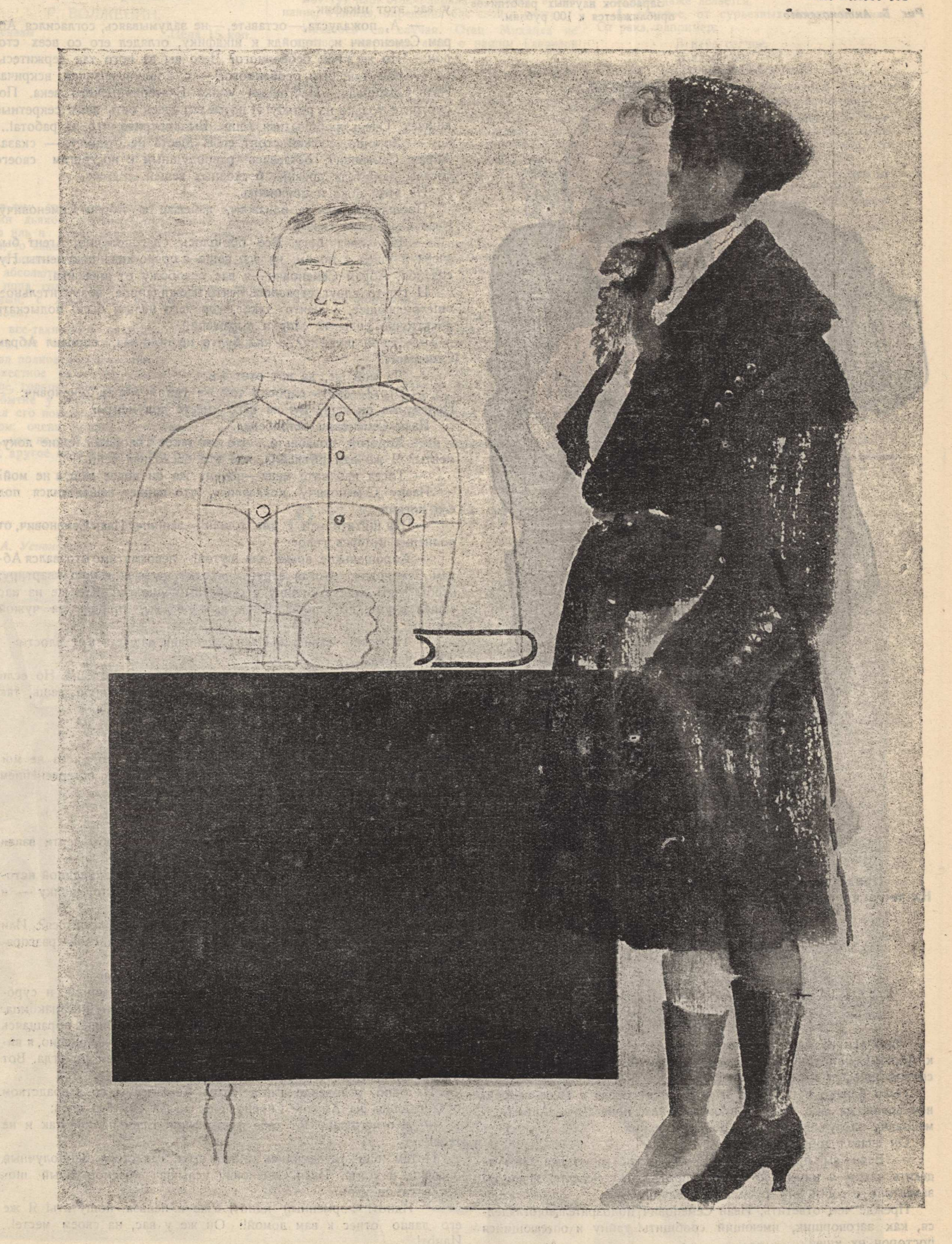
— Чего-ж кричать-то, граждане? Я вас на многополье перемерил, я же вас могу и опять на три поля перевести! Мне-то что?

И перемерил! Вот что значит специальность человеку дадена. В два счета—и мы опять при трех полях, живем, хлеб с мякиной жуем, да землемера благодарим. Что бы мы без него делали? Наплакались бы! А он выручил! Ну, так разве можно этакого человека, да не уважать? Немыслимо!

Мих. Козырев

ПАПЫ И... МАМЫ

Рис. В. Лебедева

— Итак, гражданка, кого вы считаете отцом вашего ребенка: Петрова или Козолупина?
— Да позвольте! Какой же Петров отец, ежели он два года безработный!

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ ТЕМА

Рис Б. Антоновского

Заработок научных работников приближается к 100 рублям.

— **Придется, кажется, заказать очки номером сильнее... Ни-че-го не вижу!**

ОБЫВАТЕЛЬСКОЕ

II. О ТОМ КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН СЕМЕНОВИЧ С АБРАМ-СЕМЕНОВИЧЕМ.

— Я к вам на одну минутку, — сказал Иван Семенович, войдя к Абрам-Семеновичу и сгружая посреди комнаты небольшой увесистый шкафик красного дерева.

Было близко к полночи, и появление соседа в такое неурочное время, да еще со шкафиком в руках, показалось Абрам-Семеновичу заслуживающим особого внимания.

Он сказал добродушно:

— Если вы приходите даже на десять минут или даже на десять часов, я ничего не говорю против. Но скажите, зачем вы захватили с собой эту ручную безделушку?

Прежде чем ответить, Иван Семенович подозрительно оглядел-ся, как заговорщик, имеющий сообщить тайну и опасающийся посторон их ушей.

— Видите, дорогой, в чем дело... При содействии этого подлеца Сидоркина — (Сидоркин был жилец Ивана Семеновича) —из Откомхоза собираются прислать агента по бесхозному имуществу... Мне сообщили стороной, что агент придет, может быть, даже завтра... Добился таки подлец Сидоркин своего! И вот у меня к вам просьба, дорогой: разрешите на несколько дней оставить у вас этот шкафик.

— А, пожалуста,—оставьте,—не задумываясь, согласился Абрам Семенович и, подойдя к шкафику, оглядел его со всех сторон.—Что же в нем особенного? Чего вы за него так держитесь?

— Как так, что особенного?! — с воодушевлением вскричал Иван Семенович:—Настоящая уника Екатерининского века. Посмотрите только на резьбу! И потом вот здесь есть даже секретный ящичек. Очень любопытная вещь. Вы смотрите, что за работа!..

— Хорошо, пускай стоит себе. Места не отнимет, — сказал Абрам Семенович, оставаясь равнодушным к восторгам своего соседа, любителя древних бесхозных вещей.

На этом пока и кончилось.

Прошла неделя и, однажды, забежав к Абрам Семеновичу, Иван Семенович сказал:

— Ну, слава богу. Все обошлось благополучно. Агент был вчера и ушел с носом: на все вещи я представил документы. Ну, спасибо, Абрам Семенович—я вас освобожу от шкафика.

И тут-то вдруг стряслось нечто неожиданное, возмутительное, ошеломляющее, — нечто такое, для чего нельзя было подыскать достаточно сильных слов и выражений.

— Какой шкафик? — как будто не понимая, спросил Абрам Семенович.

— Да мой же, да вот этот же.

— Этот?—опять спросил тем же тоном Абрам Семенович: — Почему-же он ваш? Вы на него имеете документы?

Иван Семенович остолбенел.

— Дорогой, позвольте... что вы такое говорите? Какие документы? Я же вам объяснил, что это бесхозная вещь...

— Тогда извините меня—почему же он вовсе ваш, а не мой?

Ивану Семеновичу показалось, что паркет зашевелился под его ногами.

— Вы шутите или с ума сошли!—зашипел Иван Семенович, от волнения потеряв голос.

— Хорошенькое время для шуток!—невозмутимо отозвался Абрам Семенович:—Когда вдруг приходит человек в мою квартиру, чтобы взять такую унику с секретным ящиком! Кто же из нас сошел с ума: вы или я? Разве я, а не вы, пришел за чужой вещью?

— Негодяй!—завизжал Иван Семенович, задыхаясь от злости: — Я... в нар-суд...

— Не кричите. Я и так слышу. В нарсуд? Хорошо. Но если нарсуд узнает, что вы скрыли от агента бесхозную вещь, так тогда что? Рассудите спокойно, не выходя из себя.

Иван Семенович ошалело ворочал глазами.

— Вы.. вы...

Он замотал беспомощно рукой, дополняя то, чего не мог выразить язык, и бросился вон из комнаты, с остервенением хлопнув парадной дверью.

Абрам Семенович самодовольно улыбнулся.

— Ну, я, кажется, хорошенько его проучил.

Он поднял шкафик и крякнул, бормоча: „Чтобы черти взяли эту унику!"

Между тем, Иван Семенович, потрясенный неожиданной историей, забежал к себе, этажом ниже, схватил пальто, шапку — и исчез.

Куда же устремился несчастный? Может быть, топиться? Или он хотел прогулкой на свежем воздухе успокоить свой разгоряченный мозг?

Ах, все это выяснилось через какой нибудь час.

В квартиру Абрама Семеновича вошел окаменевший и суровый, как Немезида, Иван Семенович, в сопровождении незнакомца.

— Вот здесь, товарищ—говорил Иван Семенович, обращаясь к незнакомцу и не глядя на Абрама Семеновича:—Конечно, я виноват, что не сказал сразу. Но лучше поздно, чем никогда. Вот он здесь, этот шкафчик. Забирайте.

На одно мгновение глаза Ивана Семеновича со злорадством остановились на Абраме Семеновиче, сказав ему без слов:

— Что негодяй? Вот тебе и шкафчик! Если не мне так и не тебе!

Потом они устремились в тот угол, где стоял злополучный шкафик, и тотчас Иван Семенович услышал красноречивый шопот в самое ухо:

— Идиот! Форменный идиот! Уже и нельзя пошутить! Я же его давно отнес к вам домой!. Он же у вас, на своем месте!.. Идиот!..

Излишне добавлять, что в тот же день шкафик выехал, по направлению к откомхозу.

Иван Прутков

ГАВРИЛА

Священник мордовского села Киварий Павлов, промышлявший знахарством, „лечил“ крестьян заговорами и т. п. Павлов приговорен к году заключения за знахарство

Дьякону, граждане, обязательно бас нужен. Если дьякон возгласы произносит вроде тенора иль на манер какого другого оперного голоса, то какой же он к хрену дьякон?

Или возьмем священника, у которого, к примеру, абсолютный бас.

У попа голос должен быть совсем даже обратный: с дрожанием должен быть голос, с заливом.

А, все-таки, наш батюшка отец Гаврила Павлов, не взирая даже на бас и октаву, снискал полное расположение.

Известное дело, все зависит от бытия, которое, говорят, определяет к месту сознание.

А бытие у нашего попа было печальное. Подвел его покойный поп Степан своим бывшим тенором: очень привыкли мужики к тенору. А тут, как на грех, супротив нашего села, через речку, другое село по соседству расположено.

Стал народ через речку к отцу Михаиле ходить. Хоть дерьмовый был, а, все-таки, тенор.

Вот тут наш отец Гаврила и вошел в сознание, а войдя, определил бас свой к месту.

Началось со случая. Отец Михайла не в трезвом виде поругался с нашим Гаврилой да и бухни:

— Тебе, говорит, с твоим басом не богу молиться, а чертей гонять!

Хотел он его облаять, а вышло в пользу.

И стал наш поп чертей гонять. И не только, что чертей, а на всякое дело пустился: зубы заговаривает, коровью смерть отводит, мышей и клопов морит, с запою и со сглазу лечит, от любви-присухи приговаривает, а также для разрешения от бремени баб тяжелых.

От домового, к примеру, так:

Чорт, чорт,
Отыдь от ворот.
От ворот воротских—
От селений скотских.
Кроплю водою святой!
Изыдь, домовой!

Или от комсомола:

Избави, боже, раба (имя рек)
От боли, от сглазу:
Сыми комсомольскую заразу.
Стоит ель на тропе—
Не ходи в рекапе.
Стоит вешка, стоит кол—
Не ходи в комсомол.

Очень даже замечательно выходило, аж стекла в избе брякают.

Очень его голос бабы уважать стали. Ка-ак гаркнет басом:

— Не пей (имя рек) вина!
Отыдь, сатана!..—

Жутко даже делается.

А главное, от сурьезных болезней лечил. От рака, например:

В небе солнце,
В аду мрак.
Излечи, господи, рак!..

Большую культурную работу вел: верст на пятьдесят кругом всех знахарок изничтожил.

А потом недоразумение вышло: у Ефим-Андреева гвоздем руку испортило, и рука гореть стала. Вс ухла рука и черная сделалась, что уголь.

Дегтем мазали — не в пользу; рогожей навозной терли—не в пользу; дугой мяли — не в пользу. К вечеру завоняла рука, что падаль.

Послали за отцом Гаврилой.

Приехал Гаврила, облачился, прочел заговорную молитву и — айда!

Парнишка же к ночи помер абсолютно.

Нашли, после бати, молитву и ахнули: молитва-то от преждевременных родов коровьих!

Ездили к попу: нельзя-ли, мол, что-нибудь сделать, в обратную как-нибудь.

— Нельзя, — говорит поп,—все в руках божьих. Видно, божья воля, что я не ту молитву-то читал.

Посадили попа, говоря коротко: дошли до суда. И правильно: ежели ты грамотен, читай ту молитву, что положено.

Теперича у нас обратно знахарки. Далеко им до Гаврилы.

Баса у них нету. Известное дело,—бабы.

Р. Волженин

„ОБИЖЕННЫЕ“

Рис. А. Успенского.

— Напарились, Егор Фомич?
— До полусмерти, матушка...
— То-то, что до полусмерти. Ноче торговцу даже в совецкой бане слободы нету!

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

КРАСНОДАРСКИЕ РЕКОРДЫ

I

РЕКОРД ГИГИЕНЫ И САНИТАРИИ.

В 1-ой С. Х. Краснодарской школе, судя по письмам в газете, „Кр. Знамя“, такие порядки:

„...Как только настанет утро, начинается „сокращение штата“ (*т. е. истребление вшей*). Я лично 10 декабря *сократил 378 штук*.

Одежда такая, что ученики более похожи на *уркаганов с Сенбаза*(!), чем на учеников.

Многие до сего времени ходят босые. *С демонстрации учеников прогнал милиционер, т. к. принял их за бродяг*“.

Что такое—*уркаганы с Сенбаза*—редакции „Смехача“ неизвестно, во всяком случае, судя по заметке, означенные уркаганы, в общем и целом, примыкают к классу беспризорных, равно как и ученики несчастной с. х. школы.

Непонятно, почему Губоно начинает курс с практических занятий по животноводству, когда необходимо начать с навоза и заняться в первую голову... администрацией школы.

II

РЕКОРД КАНЦЕЛЯРСКОЙ БЫСТРОТЫ

В том же Краснодаре

„...В связи с отсутствием в городе гербовых марок в *октябре* с. г *в полиграфотделе Севкавкниги*“ 17-го октября запросил *фининспектора 7 района*:—можно ли вносить, вместо марок, денежные суммы в кассу Окрфо?

Фининспектор благоволил ответить ровно *через* $1^{1}/_{2}$ *месяца* (2 декабря)—можно, дескать“.

Номера и числа переписки нам сообщены. Между прочим, *от фининспектора до „Севкавкниги“—пол квартала расстояния*.

А вот, скажем, если бы фининспектору понадобилось *описать* эту самую „Севкавкнигу“,—в две минуты пробежал бы, голубчик, положенные пол-квартала, пустив волокиту по боку

Он в своем деле решительный человек. Ему и „Севкавкниги“ в руки.

НАШЛА НАГРУЗКА НА... КАМЕНЬ

Любопытную деталь хозяйственного быта сообщает сталинградская „Борьба“—

Случился такой казус с сотрудниками *Губ. прокуратуры*.

Пришли ребята в Камвольный трест набрать в кредит мануфактуры на штаны, а *им, в виде нагрузки, трест всучил и на платье*.

Опростоволосился Камвольный трест: всучил нагрузку... *губпрокуратуре*.

Иной гражданин взял бы отрез на юбку и промолчал, но эти... будьте покойны, возьмут сначала под прокурорский надзор, а там и под ноготь.

И поделом: не своди юбок со штанами, не твоего хозяйственного ума дело!..

НЕФТЯНЫЕ КОРОЛИ

„Грозненский Рабочий“ приводит образчик канцелярского изощрения,—удостоверение, выданное управлением Группы Ленина:

Дано сие т. Львову Василию в том, что он работал в группе в качестве землекопа с 20 по 31/VII, с 1 по 15/VII, с 16 по 31/VIII, с 1 по 15/IX, с 15 по 30/IX, с 1 по 15/X, с 16 по 31/X 1925 г.

Чтобы было еще точнее, можно и часы указать: например,—

с 8 ч. 15 м. 20-го по 17 ч. 21 м. 31/VII... и т. д.

Для этой же точности, определяем состояние управленских писчебумажных голов:

в них нехватает $1^{2}/_{17}$ винтика.

ТУРКЕСТАНСКАЯ АНОМАЛИЯ

Ташкентцев поражает странная загадка.

В Ташкенте есть табачная фабрика „Москва“. На обложке папирос, выпускаемых упомянутой „Москвой“, значится:

Папиросы

ВЕРНЕНСКИЕ

из отборных верненских табаков 20 штук папирос II с. А *Цена 11 к.* Для Сибири, ДВО и *Туркестана 12 к.*

Таким образом,—выкурить одну и ту же папиросу—в Ташкенте, под боком у „Москвы“, дороже, чем в Москве, не лежащей под боком у Ташкента.

Москва! Обрати внимание на свою однофамилицу—одерни!

СКАЗКА ПРО КОВРОВСКОГО БЫЧКА

В 1923 году Ковровское УЗУ (Уезд. Зем. Управление) премировало крестьян села Овсяникова, за улучшение сельского хозяйства, в сумме 170 рублей.

Спустя год, крестьяне добились выдачи премии в виде „племенного“ быка и веялки. Пощелкало УЗУ на счетах и потребовало с крестьян *за премию* 30 целковых. Бычок, изволите видеть—130 руб. и веялка, 70 р., итого 200; вам причитается 170 р., итого: гоните три червяка.

Покряхтели мужички, поохали, заплатили деньги, увезли быка.

Пришла весна, „бычья пора“, быку самый раз производство налаживать, а он вроде как дефективный,—пуглив, от коров за версту шарахается. Крестьяне в УЗУ:

— Паскудная, извините, премия, смените быка.

Прошло лето, прошла осень. В ноябре прибыла комиссия, акт составила, признала быка негодным. Ничего, мол, не горюйте: выгодно его продадим, в убытке не останетесь!

Канителили, канителили и продали „племенного“ быка мяснику за 80 рублей.

Сели мужички на заваленку и подсчитали расходы:

1) Съел бык за год корму на 200 р.
2) Убытку при продаже 50 р.
3) Веялка ни к черту не годилась, продали за 40 р. убытку 30 р.

Вот и получился итог 280 рублей. („Призыв“).

Если даже не считать потерянной премии, одного чистого убытку 230 рублей!!! (Корм, да 3 червяка чистоганом, заплоченные в УЗУ).

Вот вам и премия!

Вот и улучшай свое хозяйство!!

Недаром в Коврове пословица ходит: „Заставь УЗУ крестьян премировать — все лбы расшибет!“

ЗАБЫВЧИВЫЕ ЛЮДИ

В Ромнах, во время операции, в полости желудка одной больной обнаружен хирургический инструмент, который, как выяснилось, был „забыт“ там местным врачем В., оперировавшим больную $2^{1}/_{2}$ г. тому назад. (Веч. „Кр. Газета)“.

Рис. Б. Малаховского.

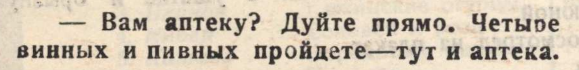

— Скажите, кажется, вам я делал операцию месяца два тому назад? Не забыл-ли я у вас в желудке свой портфель? Нигде не могу найти!

ПУТЕВЫЕ ВЕХИ

Рис. Б. Антоновского

— Вам аптеку? Дуйте прямо. Четыре винных и пивных пройдете—тут и аптека.

— ...Так! Первая...

— ...Вторая...

— Тр-р-ретья... У-фф!..

— Четвертая... Ну, чичас...

— Матушки! Никак пятая?!. Заблудился!..

ПОДХОД

„Советский приказчик не должен подражать старому купеческому приказчику, выхваливая товар, выставляя его лицом".
(„Труд", 11. Речь Томского).

Новый заведующий кооперативом—человек молодой и энергичный, собрал служащих и сказал ясно и отчетливо:

— Совершенно правильно! Кооперативный приказчик не должен подражать купеческому! Некчему выхваливать товар! А витрина? Посмотрите, — не витрина, а Мюрмерелиз какой то! Все для красоты наложено. Если яблоко, так румянцем его к стеклу! Нет! Это нам не подходит,—запомните это твердо!..

Запомнили и, косясь на сознательные плакаты, торговать начали. Первым долгом кота кооперативного, что лежал всегда в витрине между пшеном, абрикосами и кишмишем, потревожили. Переделали витрину на хозяйственный лад: поставили банки с керосином, мешок яблок и бидон с молоком. А тут покупатели подходить стали.

— Колбаска-то чего-то, кажись, пахнет?—внюхивалась какая-то старушка в чайную колбасу.

Гаврюшин,—разбитной, раскудрявый, заводил было шарманку:

— Что вы, дамочка, это не колбаса, а антик-маре с гвоздикой. Так сказать черкасское мясо на ее положено...

Но... вспоминал зава и с серьезным лицом аскета добавлял:

— Впрочем, врать не хочу. Действительно, припахивает. Ну, да и то, гражданка, не одеколоном же ее прыскать...

— То-то милый... Истинная правда. В два-то носа оно вернее...

И старушка, просветленная, радостно удивленная, отходила от прилавка, чураясь колбасы.

В молочном отделе приказчики ходили в халатах и докторским тоном давали свои суждения о молоке.

— У нас, граждане, очки не втирают. Будьте покойны! Это вам не частная торговля какая нибудь!

— Да уж вы скажите: с водой, али нет оно?—хором выспрашивали покупательницы с бутылками и кувшинами в руках.

— Опять же, гражданочки, врать не хочу. У нас правду-матку завсегда вот как режут. Сам на молочной ферме служил. Не скрою: завсегда его разбавляют. Конешно, где сырой, а где и кипяченой водой.

— Не лей! Не лей!—закричала какая то дамочка в трамвайной форме.—Не погань бутылку-то...

— Господи!—добавляла другая:—Вчера еще какое хорошее молоко было. Сами расхваливали! А седни,—чистое навождение...

Даже кассирша, Дора Амбросьевна, вошла в роль и, отзвякнув чек, дула на замерзшие руки и меланхолично отвечала:

— Пойдут ли эти рваные деньги, спрашиваете? Не знаю. Лгать не хочу. Может, пойдут, а может, нет... Бывают и фальшивые. Как-то раз фальшивый червонец попался. А как их различать? Кто их знает?..

В винном отделении, где к одиннадцати часам всегда уж настаивалась очередка неразборчивых, хотевших до смерти выпить людишек, ныне было пустовато. Семен Васильевич—искони винный приказчик, был хмур и серьезен, точно после ссоры с женой.

— А как эта английская горькая?—допытывался какой-то человек в рваной кепке.—Советуешь взять, Семен Васильич, али нет?...

Семен Васильевич махал рукой и говорил сумрачно:

— Зря деньги изведешь: я в субботу две бутылки ее выпил. Ну, и ни на полпальца пьян не был. Да-с!

Вечером новый заведующий,—человек молодой, энергично срывал утренние плакаты и заменял их новыми. На новых плакатах было выведено четко и ясно:

„Гражданин—будь сознательным! Не мешай работать лишним разговором!.."

И теперь... Теперь хорошо. Едва услышит Гаврюшкин из колбасного:

— А не припахивает колбаска-то?..

Тотчас молча укажет на новый плакат и торжественно, сосредоточенно начнет резать чайную колбасу тоненькими ломтиками.

Вл. Тоболяков

ЗРЯ

Рис. Н. Р.

— Чего это у твоего дома, Максимыч, очередь настоялась?

— Да жена на окошко четверть выставила: ну, народ и встал по привычке в очередь!

ПРИЕМ

Сачков и Колодин Маруське косу к ноге привязали на лекции, а Косте, завклубу, глаз подшибли.

— Ладно,—сказал Костя,—глаз у меня другой есть, а за окно, в уголке Ленина вы ответите.

— Через милицию, думаешь? Чихали! Штраф по пяти с рыла и—ваших нет,—гоготали Сачков и Колодин.

В воскресенье был спектакль.

Костя перед началом вытыркнул голову в щель занавеса.

— Глаз-то поджил?—крикнул ему Колодин.

Костя откашлялся.

— Товарищи, по постановлению клуба „Заря", Сачков и Колодин являются всеобщими хулиганами, почему и грызут в пятом ряду тыквенные семечки. Пока они не выйдут, спектакль не начнется.

— Бравва!..

Свистки.

— Не волынь, начинай.

— Пока не уйдут, не начну.

— Мы, что ль, хулиганим?

Сачков и Колодин ржали:

— А ты попробуй, выведи, ну-ка!

Костя ушел.

Минут десять летели круглые слова в занавес, который не хотел открываться.

Надоело это.

Чей-то голос степенно заметил:

— Шли бы, ребята, на улицу. Раз вы хулиганы, то и на улице можете.

— Долой заразу.

— К едреной матери их.

Замелькали руки, забагровели лица, и около приятелей образовалось плотное кольцо ртов.

— Сказано: хулиганов долой, ну и катись.

— А сами вы кто?

— Про нас не сказано.

— Дуй их коленкой под анкетное место...

Плюя и ругаясь, приятели вышли.

— В столовую, что-ль? предложил Сачков.

— Хряем,—ответил Колодин.

Пошли.

И чуть не носом в плакат:

> Не пущайте в гражданское место
> хулиганов САЧКОВА и КОЛОДИНА.
> Правление клуба „Заря".

По столам смешки:

— Заявились.

— Эти?

— Они самые.

— Ужин и пару пива,—снимая финку, заказал Колодин.

— Нельзя,—ответил официант.

— За свои-то любезные?

— Хулиганам не подаем.

Хохот. На тарелках начали выстукивать марш Буденого. Кто-то скомандовал:

— Ш-а-а-г-о-м марш!..

— Сволочи,—проурчал Сачков.

— Хулиганы,—подтвердил Колодин.

— Пойдем в пивнуху.

Пришли.

Над стойкой плакат:

> — Хулиганам САЧКОВУ и КОЛОДИНУ
> пива не подавать.
> Правление клуба „Заря".

— Полдюжины,—гаркнул Сачков.

— Сей минут,—отозвался служащий и стремительно начал ввертывать в горлышко штопор. Но из угла, перекатывая тело по столикам, надвинулся на него тип в ушатке и брызнул что-то в ухо слюной.

Служащий посмотрел на плакат.

— Не подам.

— Милицию зови,—вспузырился Колодин.

— Будьте любезны.

Через минуту, обтирая сосулки, явился милиционер.

— Значит, вы?

— Мы,—ответил Колодин.

— Ладно, теперь буду знать.

И поворотившись к заведующему подтвердил:

— Пиво хулиганам не полагается.

— В кино?

— Больше некуда,—согласился Колодин.

Достали билеты, закурили и тихо сели в угол фойе.

— Ну, и сволочь же Костя.

— Главное, не хулиганим.

— Будь я гад, если второй глаз у него уцелеет.

Робко подошла билетерша:

— Получите деньги в кассе обратно.

Приятели вытаращили глаза.

— Постовой от Вены сказал, что вы—Сачков и Колодин, а у нас распоряжение...

Билетерша пальцем ткнула в плакат:

> „Известных хулиганов САЧКОВА и КОЛОДИНА
> не пускайте."
> Правление клуба „Заря".

— В передний лезь.

— Во втором свободнее.

— Хряй!

Сачков и Колодин сели в прицепной маршрута № 32.

— Граждане, у кого нет билетов?

— До карточной—два,—попросил Сачков.

Кондукторша оторвала и... кто то схватил ее за руку.—

— Разве не видите?

В верхнем просвете белела бумажка:

> „Хулиганов САЧКОВА и КОЛОДИНА
> в трамвай не пускать."
> Правление клуба „Заря".

Кондукторша замялась.

— Если это вы, граждане...

— Вы на что намекаете?—обиделся Сачков.—Если сволочь какая нибудь хулиганит за Невской, так мы за нее отвечай?

— Тут сказано: Сачков и Колодин.

— Шпана известная,—подтвердил Колодин.

— А вы разбираться должны,—поддержал Сачков.—Вы вот сказали—хулиган, и вам нет ни што, а если трезвому человеку, который смирный, в каждом месте в глаза хулигана тыкать начнут—это как по-вашему?

— Довольно совестно, граждане,—со слезой заявил Колодин,—хоть бы кого другого назвали, а то Сачков и Колодин—голая рвань, хулиганы. Я сам их за три версты обхожу.

— При Советской власти нельзя ровнять со сволочью человека,—вторил Сачков.

Кондукторша извинилась и вручила им по билету.

Игн. Ломакин

ШТАНЫ И ГЕНЕРАЛЫ

На складах Москвошвей имеется большой запас генеральских штанов с лампасами. Из них теперь предположено шить картузы...

В подвалах, полных тишины,
Хранились старые запасы:
Лежали синие штаны,
Пылали красные лампасы.

Но жизнь зовет—и вот на зов
Несут их целые охапки...
Из гач нашили картузов,
А из лампас скроили тряпки.

Здесь все условия даны,
Так долго-ль вынести решенье?
И генеральские штаны
Себе находят примененье!

Картуз—игрушечка! Ранет!
Подарок—и большим и малым,
И только примененья нет
Самим российским генералам!

Укрылись, заметя следы,
В глуши льяносов и пампасов—
И без монет, и без еды,
И без штанов, и без лампасов!

д'А.

УСКОРЕННЫМ ТЕМПОМ

Все дела о пьянстве и хулиганстве булут теперь рассматриваться в течение 24 часов после совершения преступления. (Веч. „Кр. Газ.“ № 17.)

Рис. Н. Радлова

— Введите обвиняемого!
— Так что они, гражданин судья, как только чичас взяты—не протрезвимшись!

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 8525 Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 70.000 экз.

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН—РАСТРАТЧИК

Рис. Б. Антоновского

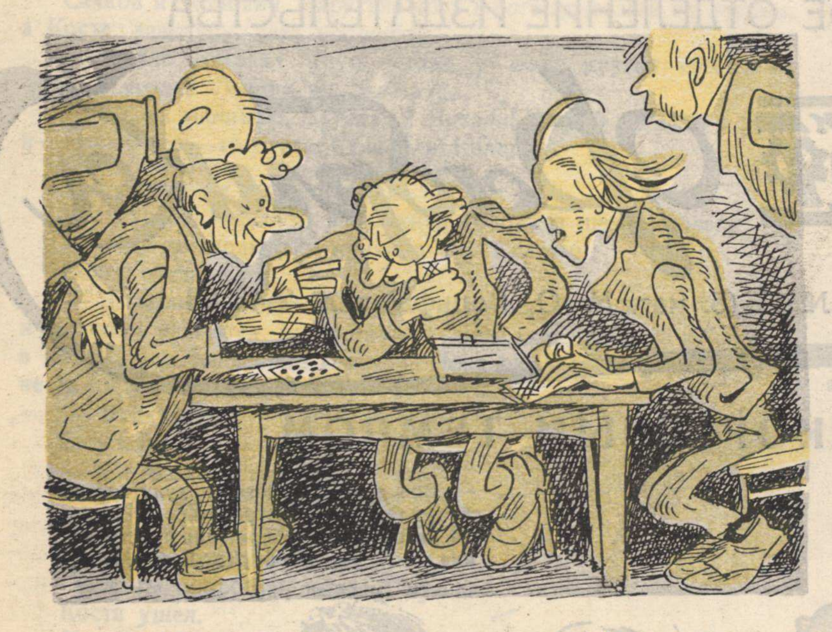
Текст А. д'Актиля

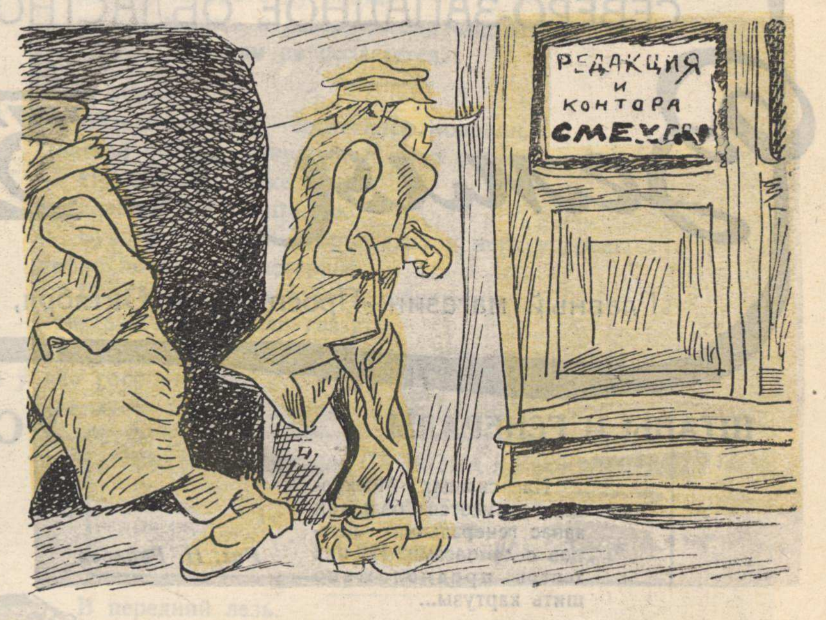
1. Соблазн нас к гибели влечет!
Взял Надькин деньги под-отчет—
Он нынче служит в „Смехаче"
Для поручений и „вопче".

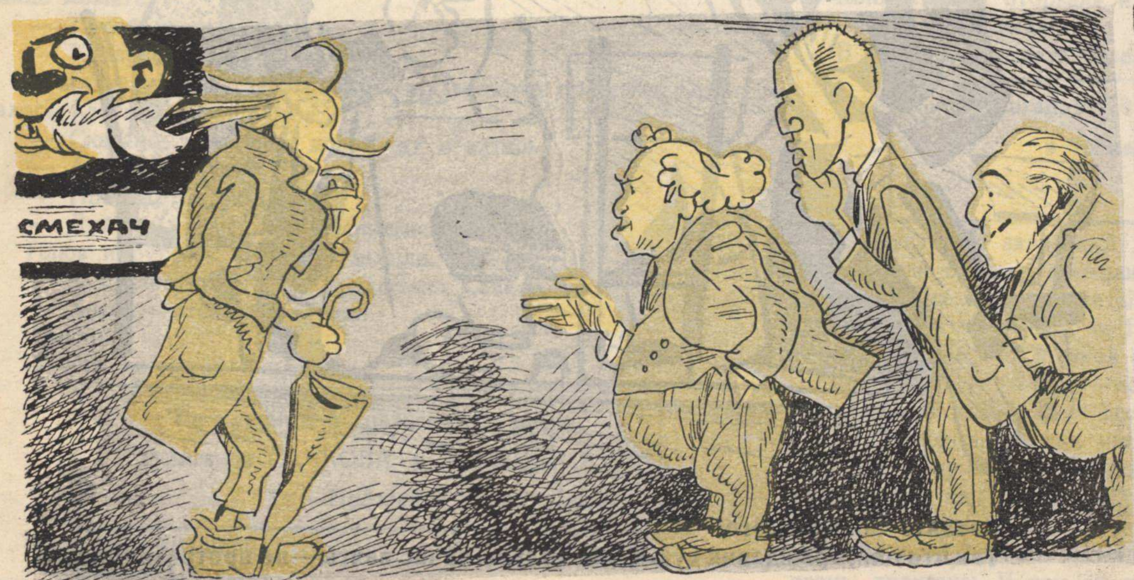
2. Весь день шатаясь без конца,
Устал. Забрел хлебнуть пивца.
Ушел угрюмой думой вглубь—
И... прохлебал казенный рупь.

3. Ну, что-ж? Теперь уж все равно!
Евлампий едет в „Казино".
Было-б везение да прыть—
Растрату трудно-ли покрыть?

4. Евлампий Надькин, слезы лей!
Нет подотчетных трех рублей,
Ждет непутевого гроза...
Как смехачам взглянуть в глаза?

В Редакцию
журнала „Смехач"
Причитающийся
мне гонорар за по=
мещенное в этом но=
мере журнала мое
приключение прошу
обратить на погаше-
ние украденых у меня
казенных денег в
суме три рубля
Евлампий Надькин

5. Но незлобивы смехачи:
— Мы помолчим. И ты молчи.
Дай заявленье, дуралей,
О краже этих трех рублей.

6. В журнале случай помещен.
Долг гонораром возмещен.
Молчат о правде смехачи—
И ты, читатель, помолчи!